

*С.Г. Андреева**

**Политика Китая в отношении Кореи
в 1880-е — начале 1890-х гг.
(по российским и американским
архивным материалам)**

АННОТАЦИЯ: В статье на основе материалов российской и американской дипломатической переписки рассматриваемого периода анализируется общая направленность и трансформация политики Китая в отношении Кореи. Отдельное внимание уделено вопросу о независимости Кореи как важном аспекте «корейской» политики Китая и международных отношений в данном регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дипломатия, международные отношения, Китай, Корея, Ли Хун-чжан, независимость.

История международных отношений свидетельствует о том, что включение государств в систему дипломатических контактов может происходить различными путями. Как правило, контакты между народами начинаются в экономической (торговой) сфере, что наглядно демонстрирует пример Китая — взаимоотношения европейцев с этим государством в течение длительного времени были слабо структурированы (в западном понимании структуры международного взаимодействия). Важно учитывать, что и сама европейская система отношений между странами, нормы и концепции международного права, а также принципы и правила дипломатии в более или менее унифицированном виде сформировались далеко не сразу; многие базовые положения международных отношений возникают и начинают развиваться лишь после Вестфальского мира (1648 г.), и фактически лишь

* Андреева Светлана Геннадиевна, к.и.н., н.с. отдела Китая, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия. E-mail: surfgrid-to@list.ru

к XIX в. можно говорить о достаточно формализованной, оформившейся системе западной (европейской) дипломатии.

Довольно длительное время европейцы, прибывавшие в Китай, так или иначе «подстраивались» под правила восточной дипломатии, принципиально отличной от западной, в том числе и в силу кардинальных отличий мировоззренческих систем, восприятия позиции «себя» (своего государства) относительно прочих стран и народностей и т.д. Особенно наглядно это проявилось в случае с Китаем — «Срединной империей», имевшей детально, с подлинной бюрократичностью и тщательностью разработанную систему деления стран и территорий на различные категории и выстраивания с ними надлежащих отношений в зависимости от статуса и значимости того или иного государства/народа с точки зрения китайской империи. С течением времени, особенно в поздний период правления цинской династии, такие отношения Китая с другими «землями» становились во многом формальными, «церемониальными». В идеале же традиционная «китаеццентричная» модель внешней политики, в рамках которой все прочие страны и народности рассматривались как данники/ вассалы/ подчинённые (зависимые) территории, по определению не могла предусматривать равноправных/партнёрских отношений, поскольку не могло существовать стран, равных по положению в мироздании «Срединному государству», для которого все остальные были лишь варварами с периферии мира.

Установление контактов с Западом, разумеется, не привело к быстрому включению Китая в структуру европейской дипломатии. Цинская империя базировалась на достаточно проработанной, подкреплённой многовековой традицией, тщательно выстроенной и законодательно оформленной системе государственности, особой административной модели, и этот консервативный механизм просто не мог быстро измениться. Более того, система обладала определённой внутренней устойчивостью, своего рода «резистентностью», к внешнему воздействию. Дополнительную прочность этой системе придавало то обстоятельство, что её базовые, принципиальные концепты, сохранявшиеся и действовавшие на протяжении тысячелетий, независимо от находившейся в конкретный период у власти в Китае династии, имели в основе своей не просто административную практику, но определённую идеологическую базу — принципы конфуцианства, на которых, по сути, строится во многом менталитет и мировосприятие китайцев и позиционирование себя Китаем в окружающем мире. В условиях быстро менявшейся в XIX в. общемировой ситуации даже с учётом понимания рядом ведущих государственных деятелей Цинской империи определённого отставания страны относительно Запа-

да Китай не мог совершить достаточно резкий поворот в принципах своей внутренней и внешней политики (как это произошло, например, в Японии), поскольку это привело бы к разрушению основ государственности и гибели государства.

Несмотря на длительность контактов с представителями Запада, включение Цинской империи в систему международных отношений по европейскому образцу, произошедшее в середине XIX столетия, было, по сути, принудительным и стало результатом применения европейскими державами различных экономических и военно-политических («дипломатия канонерок») средств. Впервые заключив с иностранными державами договоры в рамках западной дипломатической традиции (несмотря на вынужденный характер этих соглашений и причинённый ими Китаю несомненный ущерб), Китай сумел быстро воспринять ключевые принципы европейской дипломатии, выделить для себя их преимущества и начать применять эти принципы на практике, прибегая к положениям международного права, когда это отвечало его интересам, но не отказываясь при этом от собственных традиционных методов и принципов. Фактически до конца правления Цинской династии для Китая было характерно совмещение привнесённых правил и методик западной дипломатии с традиционными китайскими формами и способами выстраивания международных отношений.

Сходным образом обстояли дела в Корее, хотя формально ситуация выглядела несколько отличной. По мере активизации в середине — второй половине XIX в. различных государств на Дальнем Востоке Корея вошла в число объектов интересов основных политических игроков в этом регионе, однако, в отличие от Китая (и Японии), какое-то время не являлась самостоятельным участником политических и дипломатических процессов. Можно сказать, что фактически в то время у Кореи как государства вообще не было внешней политики. На практике единственным государством, с которым Корея поддерживала отношения, являлась Цинская империя. При этом оформлены эти отношения были, естественно, в рамках традиционной китайской внешнеполитической системы. В соответствии с принципами этой системы Корея была отнесена к категории «зависимых» (вассальных) государств — *фаньго* 藩国, или *шу го* 属国. Эта система предусматривала определённый административный контроль со стороны Китая, уплату корейским государством установленной «дани», тщательно регламентированное участие официальных представителей корейского правительства в различных церемониях, проводившихся при китайском дворе, например в обрядах в связи с кончиной императора и т.д. Важно отметить, что с те-

чением времени, в частности, уже в рассматриваемый период (вторая половина XIX в.) описываемые отношения вассалитета в известной степени превратились в формальность. При этом необходимо учитывать, что сложившиеся к указанному времени двусторонние взаимоотношения обеими сторонами рассматривались как устойчивые, стабильные и неизменные, в определённом смысле «освящённые традицией», а потому не предусматривавшие пересмотра или корректировки. И корейское правительство, и правительство Цинской империи следовали установившемуся порядку, который на практике выражался в минимальном вмешательстве Китая во внутренние дела Кореи, что, с одной стороны, не вызывало у корейцев никаких протестов, а с другой — давало и некоторую уверенность в том, что у Кореи имеется сильный покровитель и защитник. Вот, например, как описывает специфику сложившихся между двумя государствами отношений секретарь российского дипломатического представительства в Сеуле Н.А. Шуйский в своей аналитической записке о Корее (1889 г.): «Когда Дайцинская династия прочно утвердилась в Китае и стала располагать средствами этой богатой страны, тяжёлая для Кореи, но незначительная сама по себе дань эта потеряла прежнее материальное значение и, будучи значительно уменьшена, получила уже иное, символическое, значение. Она, вместе с другими признаками вассальных отношений (принятие китайского календаря, утверждение короля на престол императорским эдиктом), стала указывать скорее на духовную зависимость Кореи от Китая, чем на политическую. Сами корейцы наглядно объясняют этот род своей зависимости от Китая уподоблением её отношению младшего брата (Кореи) к старшему (Китаю), хотя каждый из них имеет отдельный дом и хозяйство, но, в силу семейного принципа, старший обязан помогать младшему советами и материально, а младший обязан за то почтительностью и повиновением старшему. Такого рода отношения не представляли никакой тяжести для Кореи, так как в делах внутренних она была независима, а внешних сношений у неё не существовало. Точно так же и для Китая номинальная власть над Кореей была выгоднее фактической; китайцы хорошо понимали, что, завладев Кореей, им пришлось бы затрачивать большие средства на удержание страны под своей властью, а между тем не было никаких причин, которые могли бы побуждать их к этому шагу» [1, лл. 46об–47об].

Перемены в характере и структуре китайско-корейских отношений были вызваны принципиальными внешнеполитическими, геополитическими изменениями в дальневосточном регионе, связанными с активизацией здесь ряда государств Запада. Общее изме-

нение ситуации привело к форсированному включению Кореи во внешнюю политику западных держав и в том числе в дипломатические отношения по европейскому образцу. При этом крайне важно отметить принципиальную особенность процесса включения Кореи в западную дипломатию: установление официальных дипломатических контактов и подписание соответствующих соглашений между Кореей и западными державами было инициировано не самим корейским правительством, а Китаем. И здесь же необходимо указать на ключевую особенность отношений между Китаем и Кореей в рассматриваемый период. Речь идёт о своеобразном «симбиозе» традиционной китайской и европейской дипломатических традиций: с одной стороны, Китай, даже заключив с Кореей формальный договор, составленный преимущественно по европейскому образцу, в то же время продолжал оказывать на корейскую администрацию влияние вполне в соответствии с традиционными китайско-корейскими отношениями типа «сюзерен–вассал» (причём в значительно усиленной форме); с другой стороны, и корейское правительство, стремясь в определённом смысле заявить о себе как о независимом государстве и самостоятельно функционировать во внешнеполитической сфере, не решалось, однако, открыто противоречить Китаю и старалось воздерживаться от серьёзных шагов, которые потенциально могли бы вызвать «недовольство» цинского правительства.

Очевидна трансформация взгляда Китая на Корею, выразившегося в повышении значимости Кореи для цинского правительства и в признании этого факта в Китае, что повлекло за собой активизацию действий последнего, вплоть до принятия вполне агрессивных мер и практически открытого давления на корейскую администрацию. При этом со стороны Китая не было никаких сомнений в своём праве на подобный образ действий, поскольку он вполне укладывался в концепцию вассалитета.

В этом контексте можно представить выдержку из отчёта (1884 г.) российского дипломата А.Н. Шпейера¹, в котором, в частности, приводится следующая характеристика позиции Китая в Корее, данная советником корейского короля фон Мёллендорфом²: «Китайское

¹ Шпейер Алексей Николаевич (1854–1916) — российский дипломат. Работал в различных странах, в том числе выполнял специальные дипломатические поручения в Японии, Китае, Корее.

² Фон Мёллендорф, Пауль Георг (Paul Georg von Möllendorff, 1841–1901) — немецкий востоковед и дипломат. Сотрудник китайской таможни в Шанхае и Ханькоу; немецкий вице-консул в Тяньцзине. По рекомендации

правительство также содержит войска в Корее, которую считает в вассальной от себя зависимости, однако народ не только не тяготится этим, но даже гордится зависимостью от Китая, которая до сих пор проявлялась лишь в том, что в трудную минуту корейское правительство всегда находило помощь и поддержку у Богдыханских властей. Китайцы не вмешиваются во внутренние дела страны, предоставляют ей право управляться вполне самостоятельно, стараются быть близко к народу и пользуются в стране самыми широкими симпатиями» [2, лл. 119, 119об].

Как уже отмечалось, своего рода «триггером» трансформации взаимоотношений Кореи и Китая стало изменение внешнеполитической ситуации, связанное с активизацией других держав. При этом главную опасность, которая в различные периоды оценивалась и учитывалась Китаем по-разному, но постоянно находилась в поле зрения китайского правительства, представляли Россия и Япония. Именно эти два государства как соседние и с Китаем, и с Кореей рассматривались как источник реальной угрозы, что требовало принятия определённых мер в целях возможного ослабления или по крайней мере сдерживания активности этих двух стран.

Вот что, в частности, по этому поводу замечает Н.А. Шуйский: «Причины эти стали нарождаться только с появлением двух новых светил на политическом горизонте Восточной Азии — реорганизуемой Японии и России <...>; для Китая пред важностью корейского вопроса бледнеют все остальные цели, какие может поставить себе китайская внешняя политика. <...> Самоуверенный образ действий японцев, взявших было на себя инициативу открытия страны, неоднократно повторявшиеся попытки других держав с той же целью, наконец, движение русских к югу вдоль берегов Тихого океана и занятие ими прочного операционного базиса во Владивостоке, вблизи границ Кореи, — всё убеждало в том, что дальнейшее сохранение Кореи её изолированности немислимо; поддержание китайцами такого положения страны становилось возможным только под условием столкновения Китая со всеми Державами, заинтересованными в изменении этого положения, но к таковому столкновению они, конечно, вовсе не были подготовлены. С другой стороны, пассивное отношение Китая к действиям иностранных Держав в этом деле обозначало бы, что он отказывается от своих исторических прав в Корее и становится в этом отношении в уровень с прочими государствами. Ввиду этого китайцы решили взять инициативу от-

Ли Хун-чжана отправился в Корею, где в 1882–1885 гг. находился на службе в качестве советника корейского короля Коджона.

крытия страны на себя, чтобы, заняв через то в самом начале выдающееся положение, приобрести право регулировать начатые сношения корейского правительства с иностранными и далее. Такой план был ловко задуман и действительно помог Китаю наложить руку на внешние сношения Кореи» [2, лл. 48об, 49].

Ввиду подобной потенциальной опасности китайское правительство в лице Ли Хун-чжана³, занимавшего в то время, помимо прочего, должность управляющего корейскими делами, решилось прибегнуть к одной из своих традиционных внешнеполитических стратагем — *и и чжи и* 以夷制夷, т.е. «использование одних варваров для управления другими варварами». Данная концепция считается одним из излюбленных политических методов Ли Хун-чжана. В случае с Кореей эта «методика» выразилась в том, что сам Китай побудил корейское правительство пойти на заключение дипломатических отношений с западными державами. Здесь можно привести следующее высказывание Ли Хун-чжана: «Корея издавна являлась внешним (вассальным) владением (*вай фань* 外藩) Китая и [фактически] служила „щитом“ для наших трёх восточных провинций... В настоящее время Япония вторглась в Люцю, Франция захватила Аннам, и ситуация такова, что в шести приморских провинциях у Китая уже недостаточно сил [для контроля]. Корея является самой близкой из наших вассальных территорий. <...> если сейчас не заключить надлежащее соглашение с США, то Корея окажется в трудном положении и фактически в изоляции, а требованиям других стран не будет конца» (цит. по: [16, с. 137]).

Именно в этой связи впервые возник вопрос о независимом статусе корейского государства. Эта проблема фигурирует как один из принципиальных моментов на протяжении около 10 лет существования дипломатических отношений между Кореей и западными державами, начиная со времени подписания соответствующих дипломатических трактатов и фактически вплоть до окончания китайско-японской войны (1894–1895 гг.). Цинское правительство, содействуя вступлению Кореи в эти соглашения, пошло даже на очевидный «ущерб» собственному авторитету: договоры, формально не имевшие в своей основе никакой принудительной причины, как то,

³ Ли Хун-чжан (1823–1901) — один из крупнейших государственных деятелей Цинской империи. Занимал в правительстве ряд ключевых постов: государственного канцлера, губернатора столичной провинции Чжили, управляющего корейскими делами и т.д. В последние десятилетия правления цинской династии фактически определял и руководил всей внешней политикой Китая.

например, поражение одного из участников в военных действиях, составлялись по европейскому образцу и, соответственно, предполагали участие двух равноправных, независимых и самостоятельных государств, что, безусловно, исключало саму возможность упоминания о Китае как о «сюзерене» или «покровителе» Кореи⁴.

Разумеется, подобные шаги со стороны Китая должны были иметь веское обоснование. «Любая прагматическая политика <...> должна быть основана на каком-то определённом принципе с тем, чтобы тактическое искусство не тратилось на беспорядочные телодвижения» (цит. по: [14, с. 93]).

Воплощением такой прагматической политики со стороны китайского правительства и стало применение концепции *и и чжи и* как попытка с помощью «дальних варваров», т.е. Америки и стран Европы, влияя на «ближних варваров» — Россию и Японию, которые на тот момент, в представлении Китая, могли являться вполне конкретной геополитической угрозой для Цинской империи. Вот такая точка зрения была высказана по этому поводу, например, российским дипломатическим представителем в Сеуле К.И. Вебером⁵ в письме к начальнику эскадры на Тихом океане вице-адмиралу П.Н. Назимову⁶ (1891 г.): «Когда в начале восьмидесятых годов западные державы старались открыть для всемирной торговли и эксплуатации Корею, о многочисленных богатствах которой распространены были преувеличенные слухи, то представители их в Пекине сумели уговорить китайцев, или, точнее говоря, Канцлера Ли Хун-чжана, что неприкосновенность Кореи или даже само существование её находится в опасности вследствие стремлений России захватить незамерзающий порт Лазарев. Наилучший противовес против этой опасности заключался, по их мнению, в открытии страны для иностранной торговли и в заключении дружественных договоров, так как заинтересованные таким

⁴ Стоит отметить, что в текст первого из подобных договоров, заключённого корейским правительством при непосредственном содействии Ли Хун-чжана с Северо-Американскими Соединёнными Штатами, Китай предпринял попытку включить упоминание о том, что Корея является вассалом Китая, однако вследствие однозначного отказа американского представителя заключать соглашение с такой формулировкой в конечном итоге был подписан вариант, не содержащий такого положения.

⁵ Вебер Карл Иванович (1841–1910) — российский дипломат, возглавлял первую российскую дипломатическую миссию в Корею (1885–1897).

⁶ Назимов Павел Николаевич (1829–1902) — российский мореплаватель, адмирал, исследователь Тихого океана. В 1889–1891 гг. — начальник эскадры на Тихом океане. В 1892–1898 гг. — начальник Главного гидрографического управления.

образом в судьбе Кореи Державы помогут Китаю отстаивать страну от чужих захватов. Договоры, по крайней мере, первый, американский, состоялись при помощи китайцев, и последние не отказали в своём содействии даже тогда, когда представитель Соединённых Штатов, адмирал Шуфельдт⁷, отклоняя требование Ли Хун-чжана о помещении в договор статьи о вассальных отношениях Кореи к Китаю, заявил, что его правительство никогда не согласится на заключение договора с вассальным государством. Затем были заключены на одинаковых основаниях договоры с Англией, Германией и нами.

Но вскоре, как китайцы, так и наши недоброжелатели, убедились, что они несколько ошиблись в своих расчётах. Корея не оказалась богатой страной и поэтому предвещала быть лишь плохим рынком для сбыта бумажных материй Манчестера; кроме того, англичане в скором времени лишили себя расположения корейцев занятием порта Гамильтон.

Китайцы же, к своему удивлению, увидели, что Корея, выражая явное желание отказаться от устарелой китайской цивилизации и следовать по стопам Японии, всё более и более ускользает из их рук. Здешнее правительство стало проявлять бóльшие симпатии к нам и американцам и тяготилось своим бывшим покровителем, интересы которого заставляют его удерживать Корею от пути прогресса и от общения с иностранцами, и препятствовать, по возможности, развитию этой страны.

Китай и Англия тогда изменили свою политику, и если бы это было им возможно, они охотно уничтожили бы все договоры между Кореей и другими государствами. С тех пор Китай старается медленными, осторожными, на всегда им известную цель направленными действиями забрать всю власть в Корею в свои руки, постепенно подкапываясь под корейскую самостоятельность и устраняя всякое иностранное влияние. В этих стремлениях Пекинское правительство поддерживается и подстрекается Англией, опасоющейся не менее Китая усиления нашего влияния на Дальнем Востоке» [3, лл. 171–172].

Формально первым соглашением по европейскому образцу, заключённым Кореей с иностранным государством, стал «Договор о дружбе и торговле» 1876 г. между Кореей и Японией (так называемый «Канхваский договор»). Среди западных держав первыми договор с корейским правительством подписали Северо-Американские

⁷ Шуфельдт Роберт Уилсон (Robert Wilson Shufeldt, 1822–1895) — офицер Военно-морского флота США, контр-адмирал (Real Admiral). Как представитель Соединённых Штатов участвовал в обсуждении и подписании в 1883 г. американо-корейского договора.

Соединённые Штаты (1883). Далее последовали более или менее аналогичные соглашения с Англией (1883), Россией (1884), Италией (1884), Францией (1886) и т.д.

Все указанные договорённости были оформлены согласно европейским дипломатическим нормам и, соответственно, предусматривали независимость и самостоятельность каждой из сторон-участниц соглашения. Таким образом, упоминание «вассальной» зависимости Кореи от Китая в тексте этих документов было исключено.

В этом плане примечательным стал договор между Кореей и Цинской империей, заключённый в 1882 г. «Китайско-корейский договор о морской и сухопутной торговле», составленный по европейскому образцу, был практически навязан Китаем корейскому правительству. Однако можно сказать, что и Китай был в известной степени вынужден пойти на подписание подобного соглашения ввиду очевидно усложнявшейся общей геополитической обстановки на Дальнем Востоке, а также резко обострившейся внутривосточной ситуации в Корее. Целью заключения этого договора для Китая было, помимо получения определённых экономических преференций, официальное закрепление статуса Цинской империи как сюзерена Кореи. Помимо прямого упоминания о существовании между Китаем и Кореей вассальных отношений, в преамбуле договора, в частности, подчёркивалось, что «целью настоящего соглашения о правилах ведения сухопутной и морской торговли является стремление Китая обеспечить для „подчинённого“ государства режима наибольшего благоприятствования, который, по своему характеру, отличается от того, который на обычных основаниях может быть предоставлен другим нациям» [2, л. 27].

Таким образом, китайско-корейский договор стал единственным соглашением, в котором закреплялось зависимое положение Кореи. Китай, сам находившийся в весьма сложных, многофакторных внешнеполитических обстоятельствах и в условиях тяжёлой внутривосточной и экономической ситуации, будучи под действием не слишком выгодных для него трактатов и соглашений, заключённых им с западными державами, оказался тем не менее в состоянии «продавливать» в известной степени собственный курс, пользуясь при этом всеми доступными средствами, как в рамках традиционной китайской, так и европейской дипломатии. В этом контексте роль Кореи для него подчас оказывалась ключевой. Подталкивая Корею к заключению договоров со странами Запада, Китай фактически использовал её как средство для обеспечения собственных интересов.

Сложно дать какую-либо однозначную оценку успешности внешнеполитического курса, реализовывавшегося в рассматриваем-

мый период Китаем в Корею. Несомненно, что эта политика давала определённые результаты. В частности, китайскому правительству, прежде всего благодаря политическим маневрам Ли Хун-чжана, подчас удавалось оказывать то или иное благоприятное для себя влияние — например, через Англию на Россию, через США — на Россию и Японию, и т.д.

В то же время заключённые Кореей с европейскими государствами договоры имели и некий «обратный» эффект, который китайское правительство не могло не учитывать. Речь идёт о неизбежном следствии закрепления позиций европейцев в Корею — проникновении европейских идей и росте влияния Запада в этой стране, что, естественно, влекло за собой определённое снижение авторитета Китая. Возможно, конечно, что поначалу китайцы переоценивали свою значимость и влияние в Корею, и лишь со временем ими стала ощущаться опасность, связанная с появлением в этой стране новой силы в лице иностранцев. Ослабленному на тот момент Китаю становилось труднее конкурировать с растущим влиянием, культурным и политическим, всё более усиливавшейся после реставрации Мэйдзи (1868 г.) Японии, а также с нарастающим давлением (политическим и экономическим) со стороны западных государств. Это давление оказывалось как непосредственно на Китай (внутри страны), так и опосредованно различными политическими и дипломатическими средствами на территории, входившей так или иначе в сферу интересов Цинской империи, и прежде всего в Корею. Изменение общей ситуации вынуждало Китай оставить свою традиционную позицию фактического невмешательства во внутренние дела Кореи и перейти к активным, даже агрессивным (вплоть до ввода войск) действиям в попытке если и не сохранить в Корею status quo, то по крайней мере максимально обеспечить за собой лидирующие позиции при решении принципиальных политических вопросов.

Подписание Кореей договоров с западными державами привело к появлению ранее не существовавшей, принципиально новой проблемы, а именно вопроса о том, может ли корейское государство считаться независимым, самостоятельным субъектом и актором внешнеполитических/дипломатических отношений или же Корея в административном плане является зависимой, «подведомственной» территорией Китая. Очевидно, что дипломатические контакты между государствами выстраиваются именно на базе понимания статуса потенциальных участников этих отношений. Такой статус определяет характер, структуру и содержание международного взаимодействия.

В случае с Кореей проблема независимости возникла впервые. В определённом смысле Китай, подтолкнув Корею к заключению дого-

воров с иностранными державами, сам способствовал развитию в корейском обществе идеи самостоятельности. Целый комплекс различных факторов, в том числе ослабление Китая и его неспособность на деле реально противостоять внешнему давлению «на всех фронтах», по всем направлениям своей внешней и внутренней политики, влияние европейской цивилизации (в широком смысле), пример находящейся рядом быстро прогрессирующей Японии, а также другие обстоятельства порождали в корейском обществе стремление к изменению ситуации в стране. Это неизбежно подводило к вопросу о независимости.

Тема независимости стала в рассматриваемый период одной из важнейших проблем дипломатических отношений между Кореей, Китаем и заинтересованными западными державами. С наибольшей остротой она проявилась, пожалуй, в истории с посольствами, которые корейское правительство, стремясь реализовать свои предусмотренные договорами права, пыталось направлять в трактатные государства. При этом наиболее наглядной для понимания проблемы стала ситуация с отправкой корейских посольств в Соединённые Штаты Америки.

В этом контексте необходимо упомянуть об одном появившемся в начале 1880-х гг. и приобретшем довольно большое значение документе. Речь идёт о сочинении известного китайского государственного деятеля Хуан Цзунь-сяня⁸ «Стратегия для Кореи» (*Чаосянь цэлюэ* 朝鮮策略). В этом трактате Хуан Цзунь-сянь, объявляя Россию главным источником опасности и угрозы, советовал Корее в целях укрепления своих позиций для противостояния России (*фан Э* 防俄) поддерживать «родственные» (вассальные) связи с Китаем (*цинъ Чжунго* 亲中国), укреплять контакты с Японией (*цзе Жибэнь* 结日本) и стремиться к установлению дипломатических отношений (буквально, «к союзу») с США (*лянь Мэйго* 联美国).

Совет касательно поддержания родственных отношений с Цинской империей, безусловно, понятен. Следуя традиционному китайскому представлению об отношениях с другими странами, автор отмечает, что Корея уже на протяжении многих сотен лет являлась зависимым, вассальным (*фанъ шу* 藩属) государством для Китая, который всегда обеспечивал её спокойствие благодаря своему покровительству. Указывая, что, согласно западной традиции, если

⁸ Хуан Цзунь-сянь 黄遵宪 (1848–1905) — известный поэт, дипломат, государственный деятель эпохи Цин. В 1877 г. в составе китайского посольства в Японию участвовал в переговорах касательно островов Люцю (Рюкю). В 1882–1894 гг. — генеральный консул Китая в Сан-Франциско (США).

между двумя странами существует конфликт, то третья не должна вмешиваться, Хуан Цзунь-сянь подчёркивает, что в случае с «подчинённым» («зависимым») государством (*шу го* 属国) это правило не может применяться. Соответственно теперь, когда Корея оказалась в сложных обстоятельствах, долг Китая состоит в том, чтобы оказывать ей всяческое содействие и моральную поддержку, поскольку Китай и Корея — это фактически «одна семья».

Таким образом, рекомендации для Кореи относительно опоры на Китай представляются закономерными. Но почему же, по мнению Хуан Цзунь-сяня, так важно стремиться к установлению дипломатических отношений именно с США?

В своём трактате Хуан Цзунь-сянь, в частности, отмечает, что США, сумев освободиться от владычества Великобритании и добившись независимости, стали создавать своё государство, опираясь на принципы морали и чувство долга (*ли и* 禮儀), не стремясь к захвату других земель и ведя свою политику без насилия и давления на другие народы. Хуан указывает, что США — сильное демократическое государство, которое, устремляясь (наравне с европейскими державами) в разные регионы мира, всегда и неизменно «поддерживает и защищает малые и слабые [государства], отстаивает справедливость, чтобы не позволить европейцам творить зло». Хуан подчёркивает, что с тех пор как США заключили договор с Китаем, в их отношениях не возникало никаких проблем; напротив, именно США, давно заслужившие доверие Китая как государство, не прибегающее к силе оружия при ведении дел (в отличие от европейских держав — Англии, Франции, Германии, Италии, использующих военную силу и давление, принуждая другие страны к заключению договоров), оказываются во многих аспектах наиболее выгодным союзником. Полагая, что США во внешней политике склоняются к Востоку, Хуан Цзунь-сянь указывает, что торговые отношения с Америкой несут с собой только выгоду для стран Востока и США стремятся защищать другие страны, чтобы обеспечить мирное и спокойное существование в регионе. Ввиду всего этого, по мнению Хуан Цзунь-сяня, Корею необходимо установить дипломатические отношения с США, ведь если удастся добиться обмена посольствами, то уже это можно будет расценивать как намерение США защищать Корею [4].

Если оставить в стороне правильность и обоснованность суждений и аргументации Хуан Цзунь-сяня, то в контексте данной статьи важным представляется следующее.

Хуан Цзунь-сянь через корейских сановников передал своё сочинение корейскому королю Коджону. Как отмечают исследователи, этот документ был принят корейским правительством в качестве

определённой «инструкции», и Коджон, в частности, пытался использовать трактат как основу для программы реформ. «Однако наибольшее внимание корейского двора привлёк, конечно, лейтмотив трактата Хуана — лишь укрепление международных связей, скорейшее развитие торговли и предпринимательства, а также строительство современной армии и флота могут спасти Корею в эпоху „европейских захватов в Азии“» [13, с. 392].

Важно отметить, что не только Китай, но, по-видимому, и сама Корея (по крайней мере некоторые представители корейской администрации) была заинтересована в установлении дипломатических отношений с державами Запада. При этом если Китай видел в этом «мероприятии» возможность сохранить собственное влияние и авторитет, то корейское правительство могло рассчитывать за счёт контактов с Западом несколько сократить давление со стороны Китая.

И в этом плане именно США как государство достаточно сильное, добившееся независимости от Великобритании, осуществляющее собственную политику на Дальнем Востоке, хотя и активную, но всё же в то время не столь агрессивную, как у Англии, и декларировавшее принципы, которые многим сторонникам реформ в странах Дальнего Востока могли казаться привлекательными, при необходимости способное действовать с позиции силы для достижения своих целей, в качестве дипломатического партнёра устраивали и Китай, и Корею.

Именно США стали первой державой Запада, с которой Корея заключила договор, и, соответственно, именно в Америку, согласно его положениям касательно обмена сторонами-участницами дипломатическими представителями, корейское правительство отправило своё первое посольство в западное государство.

Первое в истории Кореи посольство во главе с Мин Ёньником (閔泳翊, 1860–1914) было направлено в США в 1883 г., т.е. вскоре после заключения двустороннего договора как, помимо прочего, ответ на прибытие в Сеул дипломатического представителя США Л.Х. Фута⁹ в качестве первого чрезвычайного посланника и полномочного министра США в Корею. Как отмечал, в частности, американский дипломат и исследователь Гарольд Дж. Нобель, «не может

⁹ Фут Люциус Харвуд (Lucius Harwood Foote, 1826–1913) — генерал, дипломат. В 1883 г. был направлен в Корею в качестве первого чрезвычайного посланника и полномочного министра (Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary) США. В 1884 г. в связи со снижением статуса Миссии в Корею был понижен в ранге до звания «министр-резидент / генеральный консул». Возглавлял дипломатическую миссию США в Корею в 1883–1885 гг.

быть сомнений в том, что король решился на этот, для него радикальный, шаг не только в целях получения знаний о находящихся за океаном странах, но, прежде всего, чтобы путём реализации своего неотъемлемого права и обязанности направлять своих представителей за границу, заявить свои, официально невыраженные, претензии на независимость от Китая, а также чтобы обеспечить моральную поддержку со стороны официальных кругов Америки и мировое признание факта наличия такой независимости. Ключевое историческое значение этой Миссии заключается в её важности как декларации Кореи своего суверенитета и равенства с другими государствами мира» [12, р. 1].

Отправившись из Кореи на американском военном корабле, корейское посольство, прибыв в США, посетило Сан-Франциско, где им были осмотрены ряд объектов, в том числе арсеналы, таможенные учреждения, учебные заведения и т.д. Затем посольство направилось в Вашингтон, где было принято президентом США Ч.А. Артуром¹⁰.

Разумеется, на членов корейского посольства, состоявшего из молодых людей — сторонников реформ, современное промышленное развитие и военная мощь США произвели исключительное впечатление. Вот как, например, отзывался об этой поездке после возвращения в Сеул корейский посол Мин Ёнъик: «Я был рождён во тьме. Я увидел свет, а теперь я вновь вернулся во тьму. Я ещё не осознаю отчётливо свой путь, но, надеюсь, что скоро увижу его»¹¹ [5, № 75, Письмо посла Л. Фуа Ф.Т. Фрелингуйсену, Госсекретарю США. Посольство США в Корее, Сеул, 1884 г.].

К результатам этой миссии можно, видимо, отнести, прежде всего, укрепление авторитета США в Корее и рост доверия к Америке со стороны корейской администрации. Со временем это выразилось в передаче американцам ряда концессий, предоставлении американским миссионерам права деятельности в Корее, приглашение американских военных инструкторов и т.д. Важное внутри- и внешнеполитическое значение для Кореи имело то обстоятельство, что когда Китай, непосредственно в лице Ли Хун-чжана, по-видимому тоже вполне конструктивно (с точки зрения своих интересов и целей) оценивавшего потенциал США, «рекомендовал» (а фактически назначил)

¹⁰ Артур Честер Алан (Chester Alan Arthur, 1829–1886) — 21-й президент Соединённых Штатов Америки (1881–1885).

¹¹ Стоит отметить, что судьба членов первого корейского посольства оказалась сложной, а некоторых — трагичной.

в качестве советника корейского короля американца О.Н. Денни¹², король, даже учитывая невозможность для него отказаться от китайского «совета», довольно положительно отнёсся к кандидатуре Денни и впоследствии вполне ему доверял. В то же время, как отмечает Нобель, «хотя с моральной точки зрения Особая миссия явилась подтверждением независимости Кореи, однако ужесточение политики Китая в сочетании с отсутствием у значительной части корейских представителей власти чёткого представления о национальном положении и интересах своей страны в целом привели в значительной мере к фактической недействительности статуса независимости корейского государства» [12, р. 8].

Таким образом, несмотря на то что первый визит корейских дипломатических представителей в западное государство прошёл в целом без препятствий или специальных указаний со стороны Цинской империи, в последующие годы Китай, как вследствие постепенного изменения расстановки сил в регионе Дальнего Востока, так и в связи с ухудшением внутренней ситуации в Корее, начинает наращивать своё присутствие на территории корейского государства, как экономически (например, вынуждая корейское правительство принять китайский заём, отказавшись от всех вариантов, предлагавшихся иностранными государствами; или создавая препятствия для открытия некоторых корейских городов для иностранцев в целях обеспечения интересов китайских торговцев и т.д.), так и в военном плане (вплоть до прямого ввода китайских войск вследствие очередных мятежей или попытки переворота в Сеуле, с постановкой вопроса о возможности устройства на территории Кореи постоянных китайских гарнизонов), а также во внутренней политике Кореи (в частности, путём рекомендации китайским правительством и лично Ли Хун-чжаном кандидатур на должность иностранного советника при корейском короле (П.Г. фон Мёллендорф, О.Н. Денни). В политическом (и дипломатическом) плане давление Китая на корейское правительство оказалось особенно интенсивным и было связано с именем Юань Ши-кай¹³, который в 1885 г. был назначен в Сеул на

¹² Денни Оуэн Никерсон (Owen Nickerson Denny, 1838–1900) — американский дипломат. В 1877 г. был назначен консулом в Тяньцзинь; с 1880 г. — генеральный консул США в Шанхае. В 1885–1890 гг. — советник короля Кореи и вице-президент корейской Коллегии иностранных дел.

¹³ Юань Шикай (袁世凱, 1859–1916) — один из крупнейших военных, государственных, политических деятелей конца эпохи Цин — начала периода Китайской Республики. Должность китайского представителя в Корее занимал с 1885 по 1894 г.

должность генерального представителя по дипломатическим и торговым делам (*чжучжжа Чаосянь цзунли цзяошэ туншан шиши дачэнь* 驻扎朝鲜总理交涉通商事宜大臣).

Особенно чётко эволюция в корейской политике Китая в сторону усиления давления проявилась в случае с попыткой корейского правительства отправить в 1887 г. в США постоянное дипломатическое представительство. Эту миссию должен был возглавить Пак Чонъян 朴定陽 (1842–1905). В этот раз проявление Кореей самостоятельности и независимости во внешнеполитических делах вызвало резкий протест и агрессивное противодействие со стороны китайского представителя в Сеуле Юань Ши-кая, который, отстаивая обязанность корейского правительства во всех делах советоваться с Китаем, доходил фактически до прямых угроз в адрес и будущего посла, и корейского двора, вызвав своими интригами возмущение европейского дипломатического корпуса в Сеуле и в определённой степени самого Ли Хун-чжана.

Вот что, например, отмечал в связи с этими обстоятельствами российский поверенный в делах в Сеуле К.И. Вебер: «Из всех азиатских государств Корейское было последним, отказавшимся от вековой замкнутости своей, которой оно придерживалось не только по отношению к народам европейской цивилизации, но почти в той же степени к своим ближайшим соседям — Китайскому и Японскому. Уступая, наконец, давлению исторических событий, Корея решилась присоединиться к международному общению и заключила с другими государствами договоры, предоставляющие ей права и обязанности международной личности. Китайское правительство, пользовавшееся известным привилегированным положением в Корее, не сообразило тогда, какое значение должны иметь эти договоры, и, поощряя здешнего Короля к заключению оных, видело в них лишь удобное средство против покушений, будто бы, России на целостность Кореи. Потом только оно поняло, что установление международных сношений Кореи с иностранными государствами грозит опасностью существовавшим доселе отношениям её к Китаю, и что принятые на себя договорами обязанности дают Корее также известные права, несогласные с понятием о несамостоятельном государстве. Пекинское правительство тогда стало умалять эти права и, вмешиваясь во внешние дела Кореи с иностранными представителями и не давая ей воспользоваться означенными правами, старалось захватить в свои руки внешние сношения этой страны. В Юань Ши-кае оно нашло себе искусного, но чересчур ретивого деятеля, которому действительно разными интригами и угрозами удалось поместить в здеш-

ную Коллегию иностранных дел лишь своих креатур. Корейцы страшились и исполняли все требования Юаня.

Между тем, неудовольствие против его проделок заметно увеличивалось, и его интриги и угрозы, слишком часто повторяемые, перестали производить впечатление. Нужно было ожидать реакции, которую я, ввиду наших интересов, считал долгом поддерживать своими советами, за которыми обращался ко мне возвратившийся недавно из Китая принц Мин. Американский Посланник г. Динсмор¹⁴, Советник Короля Денни и я действовали в этом направлении.

Впервые обнаружилась реакция отрешением Президента Коллегии иностранных дел Ким Юн-сика от должности и отправлением сановника Мин Юн-чжун Посланником в Японию. На место Кима, известного своими симпатиями к Китаю, назначен сановник Со Сан-юй, человек несколько грубого нрава и потому не пользующийся большой популярностью, но преданный Королю. Отправление Посланника в Японию может служить выражением желания здешнего правительства принять более активное участие в международных сношениях. Воспользовавшись предоставленным ему договорами правом назначения представителей при иностранных дворах, оно на деле хочет доказать свою правоспособность на преимущество, свойственное лишь самостоятельным государствам. Вместе с тем, оно, вероятно, ожидает для себя пользу от непосредственных сношений, следить за которыми Китай почти не имеет возможности. Поэтому нужно полагать, что Богдоханское правительство не совсем благосклонно относится к подобным стремлениям Короля, и что оно постарается воспрепятствовать отправлению дипломатических Миссий в Европу, а особенно в Россию, хотя оно и не имеет фактического права на то, заявив когда-то, что Король пользуется полнейшей независимостью во всех внешних сношениях с другими государствами» [6, лл. 2–4].

Также стоит привести следующее замечание К.И. Вебера, содержащееся в его сообщении на имя Н.К. Гирса¹⁵: «Корея испытывает в настоящее время одну из тех политических конвульсий, которые не проходят бесследно в истории народов, а отражаются в будущем, направляя государственную жизнь их в другую сторону. Вопрос идёт о самостоятельном существовании страны...

Телеграммой от 8-го августа с.г. я имел случай довести до сведения Вашего Высокопревосходительства о назначении сановников

¹⁴ Динсмор Хью Андерсон (Hugh Anderson Dinsmore, 1850–1930) — министр резидент/ генеральный консул в Корее (1887–1890).

¹⁵ Гирс Николай Карлович (1820–1895) — российский дипломат, министр иностранных дел в 1882–1895 гг.

Пака и Шим посланниками к трактатным державам в Америке и Европе. Назначение и отъезд корейского представителя Мина в Японию прошли незамеченными. Китайское правительство, по видимому, не дало себе отчёта о значении его отправления, и назначение Пака и Шима не вызвало сразу особенного протеста со стороны китайского представителя Юань Ши-кая. Лишь когда зашла речь об отъезде Пака, Юань энергично старался склонить здешнее правительство к отмене последних распоряжений.

<...> я донёс Вашему Высокопревосходительству о положении дел, весьма обострившемся вследствие заявления Юаня о получении им двух телеграмм от Канцлера Ли Хун-чжана, в которых отрицается право Кореи отправлять посланников в Западные государства без предварительного соизволения на то Богдоханского правительства.

<...> Несмотря на выраженную китайским представителем надежду, что отправление посланников не будет приведено в исполнение, Король приказал сановнику Паку выехать в Чемульпо. На пути туда нагнал его посланец Юаня, который добром сумел уговорить его возвратиться в Сеул. Пак будто бы внезапно заболел.

Китай открыто вмешивается этим в сношения здешнего правительства с иностранными и желает разыгрывать роль протектора и посредника, от благоусмотрения которого зависит характер этих сношений. Если поэтому заявленные в прилагающихся телеграммах претензии Китая не встретят отпора со стороны принимающих участие в судьбах Кореи Держав, заинтересованных в дальнейшем существовании оной как самостоятельного государства, то нужно полагать, что при невозможности для неё отстаивать без чужой поддержки свои права против сильного соседа, она действительно превратится в китайскую область. Удержание Пака касается непосредственно интересов Северо-Американских Соединённых Штатов, но оно касается не менее и Японии, и нас.

Г. Динсмор, американский Министр-Резидент, официально обратился к Юань Ши-каю с просьбой объяснить ему, на каком основании он или его правительство, удерживая сановника Пака от поездки в Вашингтон, вмешивается в сношения Кореи с Соединёнными Штатами, его несколько не касающиеся, так как, в силу заключённого между ними договора признано за здешним правительством давно известное и никем до сих пор не оспариваемое право отправления посланников. Китайский Представитель ответил на это, что, будто бы, в американо-корейском трактате подтверждаются вассальные отношения Кореи, вследствие которых она имеет исполнять некоторые обязанности по отношению к Китаю, но что он не удерживал Пака и не знает, кто его остановил. В своём ответе г. Динсмор,

показывавший мне всю переписку, выразил предположение, что Юань не имеет, вероятно, верного текста договора, т.к. в нём не упомянуто о том, что Корея — вассальное государство¹⁶.

Приехавший недавно японский Поверенный в Делах г. Кондо, <...> вполне понимает опасность, которая грозит иностранному влиянию и положению в Корее <...>. Если удар, направленный теперь против Америки, завершится успехом, то не только отозвание корейского посланника из Японии, но и полное подчинение Кореи Китаю, и необходимость упразднения всех Миссий в Сеуле будут лишь вопросами недалёкого будущего» [7, лл. 334, 335об, 336–337].

Показательно также сообщение российского посланника в США К.В. Струве¹⁷ по поводу корейского посольства (от 28 января/9 февраля 1888 г.):

«Около месяца тому назад прибыла сюда первая постоянная Корейская Миссия, состоящая из Начальника оной, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Пак Чунъяна, трёх секретарей, двух переводчиков, из которых один американец, и двух Attachés. <...>

Рассказывают, будто бы Китайское правительство всеми зависевшими от него мерами старалось отклонить корейцев от отправления этой Миссии и, между прочим, предлагало, в видах экономии для Кореи, поручить интересы этой страны своему Посланнику в Вашингтоне. Видя, что корейцы, подстрекаемые американским Министром-Резидентом в Сеуле, продолжают упорствовать, китайское правительство наконец отправило в ближайший к Сеулу порт эскадру, чтобы препятствовать отъезду Миссии. Но эскадра эта опоздала на несколько часов и пришла к корейским берегам, когда пароход, который должен был доставить Миссию до Японии, успел уже выйти в открытое море. Так рассказывают здесь, не без некоторой доли злорадства, люди, интересующиеся китайскими, японскими и корейскими делами.

Как бы то ни было, но здешний представитель Китая <...>, человек чрезвычайно умный и ловкий дипломат, относится недружелюбно к этому новому заявлению о своей самостоятельности со стороны корейцев. Немедленно по прибытии их сюда он отправил к

¹⁶ Важно подчеркнуть, что в окончательной версии американо-корейского договора, официально вступившей в силу, отсутствует вообще упоминание о Китае, а обе договаривающиеся стороны названы независимыми.

¹⁷ Струве Кирилл Васильевич (1835–1907) — российский астроном и дипломат. В 1874–1876 гг. — министр-резидент, а с 1876 по 1882 гг. — посланник в Японии. С 1882 по 1892 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в США.

ним первого секретаря Миссии со своей карточкой, чтобы поздравить с благополучным приездом и предложить свои услуги, другими словами, своё покровительство. Он надеялся, что корейский посланник первый явится к нему с визитом. Но тот, благодарив китайского секретаря за внимание, просил его передать Посланнику, что по обычаям корейским он не считает себя вправе навещать кого бы то ни было из иностранных представителей прежде, чем он представит Президенту свою кредитивную грамоту.

Президент принял корейского посланника 17-го января. <...>

На следующий день корейский посланник стал развозить свои карточки всем коллегам по дипломатическому корпусу, в том числе и мне. Ему было отвечено тем же. Затем, два дня тому назад, он снова был у меня в сопровождении своего первого секретаря и переводчика-корейца, и я его принял.

<...> Что касается китайцев, то они говорят всем, кто только желает слушать, что Корея — не что иное, как вассал Китая.

<...> Цель этих посольств очевидная: заявление о независимости Кореи от Китая, и эта цель, судя по приёму, оказанному Пак Чунъяну, уже достигнута по отношению к Соединённым Штатам.

Но здешняя корейская Миссия имеет, очевидно, ещё другую цель: уговорить или, вернее сказать, заявить о согласии на присылку в Корею американских инструкторов, военных и морских.

Хотя это дело держалось здесь и держится ещё в большом секрете, но, тем не менее, о нём заговорили уже газеты, и, как мне кажется, по некоторым приметам, часть инструкторов уже отправилась отсюда.

Если так, то это доказало бы, что вопрос об инструкторах был давно уже возбуждён в Сеуле самим американским представителем г. Динсмором (Hugh A. Dinsmore), а приезд сюда корейской Миссии послужил лишь ратификацией состоявшегося уже ранее соглашения по этому делу. В две-три недели нельзя было успеть снарядить и отправить военных и морских инструкторов в такую даль» [6, лл. 50–53].

Безусловный интерес представляет позиция руководства самих Северо-Американских Соединённых Штатов в связи с возникшей проблемой. Следует отметить, что в целом восприятие ситуации и отношение к действиям Китая вообще и китайского представителя в Сеуле, в частности, у американской стороны было таким же, как и позиция российских и других западных дипломатов и политиков. При этом американский подход отличался прагматичностью и твёрдостью в отстаивании своих позиций.

Определённое представление об обстоятельствах дела с корейским посольством в США даёт переписка американских дипломатов.

Вот, например, письмо, направленное американским министром-резидентом в Сеуле Динсмором в адрес китайского представителя Юань Ши-кая в связи с возникшими событиями.

«Сэр: Более месяца назад корейскими властями в Сеуле было публично и официально объявлено, что г-н Пак Чонъян назначается полномочным министром Его Величества короля Кореи в Соединённые Штаты. 16-го числа сего месяца¹⁸ мною была получена депеша из корейской Коллегии иностранных дел, официально уведомлявшая меня об этом назначении и содержавшая указание о том, что министр должен вскоре выехать в Вашингтон. Свита министра полностью сформирована, секретари посольства должным образом назначены.<...> Я полагал, что Его Превосходительство министр уже получил официальное разрешение от своего короля и готовится к отъезду, когда, практически в последний момент, я к своему удивлению узнал, что он не собирается уезжать и что причиной этого стало вмешательство Вашего Превосходительства, действовавшего официально в рамках полномочий, предоставленных Вам правительством Его Величества императора Китая.

Не могли бы Вы разъяснить, правда ли то, что Вы помешали отправке министра в Соединённые Штаты, как это намеревался сделать Его Величество король Кореи, и что в этом деле Вы следовали указаниям Вашего правительства?

Такой образ действий со стороны китайского правительства не может не вызвать удивления ввиду наличия договора между Соединёнными Штатами и Кореей, который во многом был заключён благодаря содействию Его Превосходительства вице-губернатора Ли Хун-чжана, которому все пункты и условия договора хорошо известны. Этот договор однозначно указывает, что „Каждая из высоких договаривающихся сторон имеет право назначать дипломатических представителей для пребывания при дворе другой стороны, а также может назначать консульских представителей в порты другой стороны, открытые для иностранной торговли, по своему усмотрению“.

Кроме того, я не в состоянии понять, на каком основании Китай допускает такое различие между Соединёнными Штатами и Японией, причём недружеское в отношении правительства первой из этих стран. Его Величество король Кореи уже направил своего министра для пребывания при дворе Его Величества императора Японии, и это не вызвало никаких возражений со стороны правительства Китая. Трудно поверить, что в данном конкретном деле китайское императорское правительство решило следовать в отношении Соединённых

¹⁸ 16 сентября 1887 г.

ных Штатов образу действий, столь отличному от доброжелательного и внимательного поведения Китая в прошлом, с учётом положений договора о дружбе, которые в течение уже долгого времени неукоснительно соблюдались» [8, с. 435].

Заявление Юань Ши-кая, последовавшее в ответ на указанный запрос Динсмора, весьма показательным и чётко демонстрирует различие дипломатических подходов Китая и США.

«<...> Что касается Вашего заявления о том, что „в последний момент, я к своему удивлению узнал, что он не собирается уезжать, и что причиной этого стало вмешательство Вашего Превосходительства, действовавшего официально в рамках полномочий, предоставленных Вам правительством Его Величества императора Китая“, то я не могу объяснить себе Ваше удивление ничем иным, как тем, что Вы не знакомы со всеми деталями дела, которые я и собираюсь Вам представить.

В 1882 г. (восьмой год правления Его Величества императора Гуансюя) моё правительство дало особое разрешение королю Кореи на заключение договора о мире и дружбе с Соединёнными Штатами, и в этом договоре чётко указано, и это было признано Вашим правительством, что Корея является вассалом Китая и что все обязательства Кореи перед Китаем должны выполняться без какого-либо вмешательства со стороны других трактатных держав. Я полагаю, что Вы были осведомлены об этом до Вашего приезда в Корею.

В настоящее время Корея должна направлять миссии за границу к иностранным дворам после того, как она выполнит свои соответствующие обязанности по отношению к Китаю, и эти обязанности должны исполняться без малейшего вмешательства со стороны вашего правительства.

Далее, позвольте мне отметить, что когда Корея направила своего министра в Японию, моё правительство было поставлено в известность об этих действиях уже после того, как миссия покинула Корею, поэтому моё правительство не имело возможности предпринять какие-либо действия, кроме как просто получить эти сведения, и даже не имело времени, чтобы дать ответ, и тут мы вновь узнаём, что полномочный министр направляется в Соединённые Штаты. Соответственно, моё правительство, полагая, что Корея позабыла свои обязательства перед Китаем, по телеграфу указало мне напомнить корейскому правительству о необходимости выполнения своих обязанностей и соблюдении этикета, установленного для вассального государства. Я не знал, что отправка миссии была остановлена, и, более того, я не был в курсе того, что, оказывается, именно я остановил отправку министра в Соединённые Штаты.

Искренним желанием моего правительства является поддержание дружеских отношений со всеми державами, и я надеюсь, что Вы убедитесь в том, что мы не проводим никаких различий между разными государствами и что Ваше заявление о том, что Китай устанавливает различия между Соединёнными Штатами и Японией, основано только на том обстоятельстве, что Ваше Превосходительство не знакомо со всеми подробностями существующего порядка, что и стало причиной для Вас ненужного беспокойства и удивления» [8, с. 436].

Вот как ситуация описана в письме Динсмора Госсекретарю США Баярду¹⁹:

«Прежде всего, я, безусловно, был осведомлён о том, что г-н Юань и его помощники используют аргументы, представленные в его письмах ко мне, с указанием на то, что мы признали Корею зависимым государством, в целях воздействия на общественное мнение как иностранцев, так и корейцев, в ключе, благоприятном с точки зрения претензий его страны, претензий, не подтверждённых предыдущей историей государств Кореи и Китая, с тем, чтобы содействовать в формировании отношений, которые ранее никогда не существовали. В обращение был запущен (мне неизвестно, кем) отпечатанный документ, который выдаётся за текст американо-корейского соглашения, в первом параграфе которого содержится заявление о том, что „Соединённые Штаты признают Корею вассалом Китая“. Я видел один из экземпляров этого документа у исполняющего обязанности генерального консула Великобритании.

На протяжении весны и лета я несколько раз беседовал с корейцами относительно их желания отправить министра в Соединённые Штаты, однако открыто не поощрял, хотя и не отговаривал их от этого намерения. Тем не менее после того как министр в Японию был направлен без малейшего возражения со стороны Китая, когда я встречался с китайским представителем на торжественных мероприятиях, дававшихся в честь отправки посла в Японию, и наблюдал, как китайский представитель сопровождал отъезд министра демонстративными поздравлениями, я, признаюсь, был действительно поражён, когда он вмешался в отправку миссии в Соединённые Штаты. Король через своих доверенных лиц сообщил мне, что министр отправится через несколько дней» [8, № 294, с. 437].

Тем не менее, несмотря на все усилия и противодействие со стороны китайского представителя, отправка корейского посольства в

¹⁹ Баярд Томас Фрэнсис (Bayard Thomas Francis, 1828–1898) — американский политик, дипломат; в период с 1885 по 1889 гг. занимал пост 30-го госсекретаря США.

США состоялась. Дипломатическая миссия во главе с Пак Чоньяном прибыла в Вашингтон 9 января 1888 г. Примечательно, что и тогда китайское правительство не оставило своих попыток отстоять свои позиции сюзерена и покровителя Кореи. Об этом, в частности, говорит обращение, присланное из китайского посольства в Вашингтоне на имя госсекретаря Баярда тогда же, 9 января:

«Сэр: Имею честь уведомить Вас о том, что на протяжении периода начиная с поздней осени и по настоящее время я неоднократно получал из Ведомства иностранных дел в Пекине и лично Его Превосходительства вице-губернатора Ли Хун-чжана официальные сообщения и каблограммы касательно аккредитации посла Кореи в Соединённые Штаты Америки. В каблограмме от 11 ноября 1887 г. содержалось указание на наличие сообщения от корейского правительства о том, что посол Кореи должен сообщить китайскому посольству о своём прибытии в Соединённые Штаты и попросить китайского министра представить его Госдепартаменту; что впоследствии подобное представление не будет необходимым, а также что китайский министр обязан заниматься любыми вопросами, когда бы корейский посол ни попросил об этом.

Поскольку Корея является вассалом Китая, ввиду наличия договора, заключённого между Соединёнными Штатами и Кореей, соответствующее сообщение было направлено вашему правительству. Следовательно, я обязан интересоваться всеми делами от имени посла Кореи, который в настоящее время назначен своим правительством для аккредитации в вашей стране.

<...> В должное время я представлю его (корейского посла. — С.А.) Вашему Превосходительству, исключительно в целях укрепления дружеских связей между нашими тремя странами» [8, № 248, с. 381].

Вполне конкретное отношение к сложившейся ситуации выражено в письме госсекретаря Баярда министру-резиденту США в Корее Динсмору от 26 января 1888 г.:

«Г-н Пак Чоньян прибыл в столицу 9 числа сего месяца и на следующий день письмом обратился ко мне с просьбой об организации встречи его для передачи верительных грамот президенту. Я дал ему положительный ответ в тот же день.

Накануне мною было получено от китайского министра письмо, в котором приводятся разъяснения касательно его отношений с послом Кореи <...>.

Китайский министр обратился ко мне за день до того, как дата визита корейского посла была согласована между им и мной, и многословно выразил удовольствие, своего правительства и своё лично,

тем отношением, с каким корейский министр был нами принят. При этом он не высказал ни желания, ни намерения как-либо контролировать или вмешиваться в действия корейского посла или процедуру его официального приёма здесь, за исключением того, что он передал благодарность Китая за любезное отношение, которое было нами оказано государству, которое, по утверждению Китая, является его вассалом.

Таким образом, поскольку Соединённые Штаты никоим образом не вовлечены во внутренние отношения между Китаем и Кореей, мы должны рассматривать оба как отдельные, самостоятельные правительства, которые традиционно могут быть представлены здесь своими соответствующими уполномоченными и независимыми агентами.

В назначенный день г-н Пак Чонъян в сопровождении секретарей и свиты был принят мной в Департаменте; вручение им верительных грамот состоялось, как было назначено, 17 числа сего месяца в 11 часов, когда я представил корейского посла президенту и были выполнены все церемонии, предусмотренные протоколом» [8, № 300, с. 443].

Некоторый, более формализованный, анализ ситуации присутствует в письме госсекретаря Баярда американскому представителю в Китае Ч. Денби²⁰ (9 февраля 1888 г.):

«Я вполне согласен с Вами в том, что любая чрезмерная активность со стороны представителей Соединённых Штатов по вопросу о полной независимости Кореи от Китая не является ни желательной, ни выгодной; в равной мере я не думаю, что в настоящее время нашему Департаменту следует рассматривать какие-либо вопросы, которые до настоящего момента имели место касательно отношений между Китаем и Кореей, если только не возникнет какая-либо реальная ситуация, требующая непрямого решения.

Претензии Китая никогда не были сформулированы определённо. Когда мы вели переговоры о заключении трактата с Кореей, Король написал письмо Президенту, которое было передано Госсекретарю адмиралом Шуфельдтом и было представлено Сенату при утверждении договора. Согласно переводу, представленному адмиралом Шуфельдтом в отчёте госсекретарю от 29 мая 1882 г., в письме говорилось следующее: „Государство Чосон (Корея) является страной, зависимой и подчинённой Китаю, однако управление её государственными (политическими) делами, как внутренними, так и внешними, было предоставлено её собственному правительству.

²⁰ Чарльз Денби (Charles Harvey Denby; 1830–1904) — посол США в Китае (1885–1898).

В настоящее время, поскольку правительства Соединённых Штатов и Кореи собираются заключить договор, все взаимоотношения между двумя государствами должны осуществляться во всех аспектах на условиях равенства и взаимного уважения, и король Кореи однозначно заявляет, что все статьи договора должны быть подтверждены и введены в действие в соответствии с законодательством, принятым в практике независимых государств.

Что касается положения о вассальной зависимости Кореи от Китая, то при возникновении любых вопросов между этими двумя государствами в связи с этими вассальными отношениями, Соединённые Штаты не имеют права вмешиваться.

Король направил соответственно уполномоченных лиц для обсуждения договора и теперь, в соответствии со своим долгом, направляет данное сообщение для ознакомления президенту Соединённых Штатов“.

(Дата этого письма соответствует 15 мая 1882 г., в то время как договор был подписан 22 мая).

Согласно переводу, представленному госдепартаменту г-ном Холкомбом²¹ в письме за № 133 от 26 июня 1882, текст письма выглядит следующим образом: «Государство Чосон с давних времён являлось вассалом Китая, но при этом до настоящего времени король Чосон во всех вопросах внутреннего управления и международных отношений пользовался полным суверенитетом. Чосон и Соединённые Штаты, заключая в настоящий момент по взаимному согласию договор, в своих отношениях друг с другом основываются на принципе равенства. Король Чосон однозначно заявляет и ручается, что обладает всеми суверенными правами и полномочиями, необходимыми для полного и добросовестного исполнения всех положений и условий указанного договора в соответствии с международным правом.

Что касается различных обязательств, возложенных на Чосон как на вассала Китая, то Соединённые Штаты не имеют к этому никакого отношения.

После назначения полномочных представителей для обсуждения договора моей обязанностью также является представление настоящего предварительного заявления».

²¹ Холкомб Честер (Holcombe Chester, 1842–1912) — американский миссионер и дипломат в Китае. С 1884 г. сотрудник Посольства США в Китае. Писатель, автор книги «Настоящий китаец» (*The Real Chinaman*, 1895) и других, посвящённых китайской культуре и, в частности, проблеме китайской иммиграции в США.

Это письмо, принятое Китаем как формальное, содержит единственное официальное заявление, когда-либо полученное нашим правительством касательно отношения Кореи к Китаю.

В упомянутом выше отчёте адмирала Шуфельдта сказано, что договор между Соединёнными Штатами и Кореей «был согласован без каких-либо политических соображений, а лишь при обещании, которое я дал и о котором я сообщил, о том, что я передам президенту Соединённых Штатов письмо короля Чосон, в котором объясняются политические отношения, существующие между Чосон и Китаем».

Позиция Соединённых Штатов состоит в обычном требовании соблюдения договорных обязательств, при этом мы не считаем целесообразным инициировать какой-либо спор касательно взаимоотношений Китая и Кореи, кроме как в той степени, в какой это окажется необходимым, чтобы дать нам возможность обеспечить соблюдение этих обязательств. Интерес нашего правительства не является политическим. Мы стремимся только к защите американских граждан и их коммерческой деятельности и мы не намерены выходить за рамки, необходимые для обеспечения этой защиты» [8, № 171, с. 255–256].

Несмотря на кажущуюся малозначимость рассматриваемых событий, «корейский вопрос» нашёл, однако, отражение в прессе разных государств. Газеты в Китае, Японии, США и других странах, независимо от тематической направленности и политической ориентации, уделяли внимание и внутривнутриполитическим явлениям в Корее, и участию ведущих держав в делах, связанных с этим государством. Безусловно, анализу подвергались и события, связанные с первым корейским посольством в западное государство, и проблеме взаимоотношений между Кореей и Китаем. Изучение газетных публикаций (выходивших, прежде всего, в печатных изданиях стран, активно взаимодействовавших с Кореей, в том числе Китае, Японии, США и др.), даже с учётом возможного недостатка компетентности и подчас очевидной ангажированности, имеет существенное значение как для понимания действий и устремлений этих государств, так и для формирования представления о политической ситуации в регионе Дальнего Востока в целом.

Так, в китайском издании *The Chinese Times* за 1887 г. был представлен обзор японской прессы по вопросам, связанным с Кореей. В частности, отмечается, что «Японские газеты не склонны положительно оценивать возможность отправки корейских представителей к Трактатным державам, тем не менее иностранные министры в Пекине понимают ситуацию и, без сомнения, предупредили свои правительства о том, что эти миссии, расходы на которые лягут тяжким бременем на корейскую казну, по обыкновению, пустую, являются

результатом интриг, инициированных беспринципными иностранцами в целях получения постов иностранных советников. Дело с этими миссиями, ввиду ограничений, вводимых Пекинским правительством (которое поступило бы правильно, если бы пресекло соответствующие действия корейского правительства в самом начале, до того, как вред будет нанесён), начато бесславно. Вряд ли эти миссии получают где-либо достойный приём, кроме разве что в США, образ действий представителя которых в Сеуле по отношению к Китаю и Японии может и сейчас служить причиной для разногласий и даже претензий, разумеется, если только этот фарс и мошенничество с миссиями, которым он содействовал, не станет слишком очевидным, и тогда вместо объекта возмущения он превратится в объект насмешек».

Далее, анализируя материал, опубликованный в японской газете «Нити-нити симбун» (*Nichi Nichi Shimbun*)²², обозреватель *The Chinese Times* указывает, что вопрос этот не так однозначен. «Китай, без сомнения, больше всего беспокоится о том, чтобы Корея оставалась вассальным и зависимым государством, при реальной самостоятельности правительства и сохранении образа жизни народа, который существовал до настоящего времени. До тех пор пока положение дел остается неизменным, у Китая не будет и мыслей об аннексии Кореи и даже о вмешательстве во внутренние дела этой несчастной страны. При этом невозможно игнорировать злонамеренные планы иностранцев, которые, к сожалению, обрели действительно большое влияние на королеву и постоянно оказывают на неё давление в целях совершения сумасшедших действий, разрушающих её страну. Нынешнее положение дел таково, что Корею лучше было бы „отойти“ от Китая и обратиться за защитой к России или Японии, <...> однако это может привести к тому, что Китай и, возможно, обе соседние империи окажутся вовлечены в жестокую войну».

Будучи китайским изданием, *The Chinese Times*, безусловно, не могла не коснуться вопроса о деятельности в Сеуле китайского представителя Юань Ши-кая. Отмечая, что японские газеты, хотя и обладают достаточной информацией о корейских делах, тем не менее неверно понимают положение китайского представителя, несправедливы в оценках его деятельности. «Его (китайского представителя в Сеуле. — С.А.) руководители, которые имеют больше ос-

²² В этом материале, в частности, Китаю рекомендовалось в целях предотвращения возможных агрессивных акций на Дальнем Востоке со стороны России объявить об отсутствии у него намерения «поглотить» Корею или уничтожить её независимость.

нований для оценок, поскольку им известны все подробности интриг при сеульском Дворе, снимают с резидента все обвинения в чрезмерной назойливости, вмешательстве в чужие дела и неосторожности. Очевидно, что его положение весьма непростое. Он обязан выполнять свой долг перед правительством, которому он служит, и, наблюдая, какой характер приобретают дела, оказывать всё возможное противодействие, заявляя протесты, когда только возможно, и направляя королю и его правительству предупреждения относительно очевидных проблем, связанных с опасным образом действий, предпринимаемых этим небольшим государством. Вследствие этого китайский резидент, ввиду кажущейся апатии со стороны собственного правительства, апатии скорее показной, чем фактической, не имеет реальной силы, чтобы настаивать на своих угрозах и, по причине открытости своих речей, стал ненавистен королеве, которая является наиболее могущественной фигурой, обладающей господствующим влиянием в стране» [6, лл. 35об, 36].

Разумеется, события, связанные с корейским посольством в США, и вообще положение дел в этой стране нашли весьма активное отражение в американской прессе. Среди общего представления фактов, описания «чудес» и необычности Кореи встречаются и статьи, предлагающие определённый политический анализ ситуации. В этом контексте хотелось бы, в частности, упомянуть об одной заметке, появившейся в американской газете «Геральд» (*Herald*) в ноябре 1888 г. В этой статье, помимо рассмотрения ситуации на Дальнем Востоке, содержится фактически заявление о позиции, которую должны занимать США в отстаивании своих интересов: «Соединённые Штаты не имеют ничего общего с этими интригами (имеются в виду события вокруг Кореи. — С.А.). Мы, безусловно, не можем желать продвижения России, Великобритании или любой континентальной державы в морское пространство Азии. Такое продвижение будет означать ограничение и практическое ослабление нашего влияния и торговли. Независимость Китая и Японии должны стать для нас в равной мере столь же важным вопросом, как и доктрина Монро в Америке. Учитывая тот внутривнутриполитический курс, который мы вынуждены были принять в отношении Китая, это стало бы проявлением наивысшей государственной мудрости в целях сохранения международной ситуации на максимально дружественном уровне» [9, л. 3об].

Любопытной иллюстрацией к рассматриваемой ситуации стали события, связанные с деятельностью О.Н. Денни — советника корейского короля Коджона. Назначенный на эту должность по рекомендации Ли Хун-чжана, Денни, можно сказать, «не оправдал доверия» последнего, поскольку показал себя фактическим «противником»

Китая, активно отстаивая интересы самого короля, его правительства и, прежде всего, независимость Кореи. По мере нарастания интенсивности и агрессивности действий в Сеуле китайского представителя Юань Ши-кая, особенно в связи с решением корейской администрации направить посольства в трактатные государства, в том числе в США, Денни стремился всемерно противодействовать ему и в октябре 1887 г. отправился в Тяньцзинь для обсуждения создавшегося положения лично с Ли Хун-чжаном и вручения ему составленного им меморандума в защиту самостоятельности Кореи.

В контексте рассматриваемой проблемы это пространное обращение представляет особый интерес. Вот как сам Денни описывал свои цели: «Я вступил в должность советника короля <...> в уверенности, что во всех моих делах и усилиях, направленных на поддержание мира и порядка, а также процветание Кореи, я буду иметь сердечную поддержку вице-короля; с сожалением вынужден признать, что эта убежденность не оправдалась. Напротив, с самого начала я встречал всё возможное противодействие со стороны Китая. <...> Ввиду этого, а также исходя из того факта, что образ действий Китая оказался настолько несправедливым, недопустимым и, кроме того, противоречащим интересам Кореи и Китая, я принял решение воспользоваться данным случаем — поскольку все мои усилия частного характера не имели результата, — чтобы публично заявить об опасной позиции, которую стремится занять Китай, а также чтобы показать и положение Кореи, с тем чтобы исправить, насколько возможно, существующие ложные представления о ситуации в этом полуостровном королевстве и о его взаимоотношениях с Поднебесной империей, которые за последние два-три года столь часто появлялись в национальной и иностранной прессе в Китае, как умышленно, так и по причине непонимания закона и незнания реальных фактов» [10, л. 205].

Прежде всего, Денни касается вопроса о независимости Кореи. Он, например, подчёркивает, что: «Если Корея в целях реализации права, которым пользуются только суверенные и независимые государства, заключает договор о дружбе, судоходстве и торговле с Японией независимо от Китая, а затем [вступает в аналогичные соглашения] со странами Запада в рамках международной практики, то приобретаемые ей при этом права, равно как и принимаемые ею на себя обязательства должны определяться законами, которыми обычно регулируется исполнение подобных договоров» [10, л. 205]. Будучи профессиональным юристом, Денни далее предлагает, в том числе и приводя ссылки из работ ведущих специалистов того времени по международному праву, достаточно развёрнутый анализ текущего международного положения Кореи с правовой точки зре-

ния. В частности, он указывает: «Единственным вариантом вассальных или зависимых отношений, который признаётся международным правом, это отношения, являющиеся результатом завоевания, международного соглашения или конвенции какого-либо рода; и если существование подобных отношений между двумя государствами не имеет в своей основе одно из вышеуказанных обязательных условий и можно с достаточной долей вероятности утверждать, что для формирования таких отношений не будет заключено соглашение или конвенция, то остаётся полагать, что они могут быть основаны на будущем завоевании. Тем не менее, Корея является данническим государством в отношении Китая; отношения, которые в прошлом поддерживались исключительно добросовестно, и которые Корея стремится со всей искренностью продолжать до тех пор, пока отношение со стороны Китая остаётся великодушным, дружественным и справедливым. Однако даннические отношения, которые могут существовать у одного государства в пользу другого, не влияют и никак не могут влиять на независимость и суверенные права первого из них. По этой причине подношение, ежегодно выплачиваемое Кореей Китаю, влияет на её суверенитет и независимости не больше, чем суммы, выплачиваемые в настоящее время британским правительством Китаю в связи с Бирмой, влияют на независимость и суверенные права Британской империи».

Далее Денни отмечает, что у Кореи имеются веские основания стремиться к сохранению и поддержанию традиционных отношений тесной дружбы с Китаем, которые существовали между двумя странами столь долгое время. «Их географическое расположение в случае дружеских взаимоотношений делают их источником силы друг для друга; при этом то обстоятельство, что Корея получила столь много от китайской нации — язык, религию, законодательство, образование, искусства, нравы и обычаи, внеся тем самым столь существенный вклад в формирование корейской цивилизации, также способствует укреплению взаимосвязи и заставляет Корею обращаться, как и в прошлом, за дружеским советом именно к Китаю, а не в каком-либо ином направлении; по моему мнению, ничто не может разрушить эту дружбу, кроме как продолжающееся незаконное и высокомерное обращение, которое в настоящее время испытывает Корея со стороны китайцев, а также их продуманные и упорные попытки уничтожить суверенитет Кореи путём поглощения этой страны» [10, л. 205об].

По поводу заключённых Кореей договоров с иностранными державами Денни замечает, что именно доверие, которое корейский король всегда испытывал в отношении проявлений дружбы со стороны Китая, заставило его обратиться за советом к Ли Хун-чжану и содей-

ствием при ведении Кореей переговоров с США при подписании первого из корейских международных трактатов с Западом. Денни подчёркивает, что несмотря на старания Китая включить в текст американо-корейского договора указание на зависимое состояние Кореи, благодаря настойчивости американского представителя такое положение в финальный вариант документа не вошло. Далее Денни отмечает, что после того как аналогичные соглашения были подписаны с рядом других государств, вопрос о подчинённости Кореи, казалось, был вообще снят: все предусмотренные ими действия выполнялись, в Сеуле появились дипломатические представители. Возникновение многих внутри- и внешнеполитических проблем в Кореи, в том числе и поднятие вновь вопроса о независимости Кореи, Денни связывает во многом с деятельностью в Сеуле китайского представителя Юань Ши-кая, упоминая в том числе направленные им от имени китайского правительства «инструкции», предписывающие Кореи правила для направления дипломатических миссий за границу и предусматривавшие, помимо прочего, обязательность участия дипломатического представителя Китая при представлении корейских послов иностранным правительствам (см. [15]). При этом Денни подчёркивает, что корейский король отказался следовать этим «предписаниям», и посол Кореи в США был принят американским президентом без какого-либо «посредничества» китайских дипломатов.

Что касается позиции США по вопросу о самостоятельности Кореи, то Денни даёт чёткий и категоричный ответ: Америка в своих действиях ориентируется на дух и букву заключённого с Кореей договора, соответственно, проблема вассальной зависимости этой страны рассматривается как решённая. В подтверждение этого вывода Денни ссылается на «Сборник международного права США» (1886 г.), подготовленный известным американским специалистом в области международного права Ф. Уортоном²³: «Существование международных отношений между двумя государствами (Соединёнными Штатами Америки и Кореей) как равноправными сторонами договора следует считать просто свершившимся фактом, и независимость Кореи от Китая должна рассматриваться в США как однозначно установленная» [10, л. 207]. При этом, как полагает Денни, то, насколько заключённые Кореей с западными странами соглашения будут соблюдаться, не окажутся ли граждане этих стран в опасности в связи с действиями Китая в этой стране, а также насколько далеко Китай сможет продвинуться в направлении усиления давления на Корею,

²³ Уортон Фрэнсис (Francis Wharton, 1820–1889) — американский правовед, специалист в области международного права.

зависит не столько от США, сколько от других заинтересованных западных государств, которые имеют в этой дальневосточной стране существенно большие, чем Америка, политические интересы.

Денни указывает, что факт отправки Кореей дипломатических посольств к западным державам сам по себе является «фатальным» для претензий со стороны Китая на сюзеренитет в отношении этой страны. По мнению Денни, пришло время, когда Китай будет вынужден перейти к открытой политике на полуострове, поскольку «до тех пор пока этот вопрос не будет решён так или иначе, он не только будет являться, как и в настоящий момент, крайне серьёзным дестабилизирующим элементом политической ситуации на Востоке, но он будет задерживать, а, возможно, и препятствовать внутреннему развитию и преобразованию давно назревших проблем в Корее» [10, л. 210].

Важно отметить, что этот «меморандум» Денни в августе 1888 г. был представлен на рассмотрение сената США на заседании, посвящённом вопросу о независимости Кореи.

Сенатор Дж.Г. Митчелл, представивший этот документ, в своём выступлении так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Таким образом, существование отношений сюзерена и вассала между Китаем и Кореей не находит обоснования или поддержки ни в одном из договоров, заключённых любым из этих государств с иностранными державами, не имеет связи с историей правительств двух стран или с отношениями между этими государствами в прошлом. Одно государство не платило дань другому ни человеческими ресурсами, ни деньгами или оружием в качестве помощи при ведении войн либо в целях завоеваний или обороны. Ни один из признанных символов зависимости или вассалитета не обнаруживается в существующих отношениях и статусе, равно как и недавней истории взаимоотношений двух правительств. Ни одно из неперемённых условий, ограничивающих правоспособность или лишаящих прав, служащих признаком отсутствия полномочий для ведения переговоров о подписании соглашений, для отправки посольств, учреждения консульств, для инициации военных действий или для заключения мира без непосредственного участия во всём этом государства — сюзерена, что является обязательным для зависимой или вассальной страны, в случае с Кореей не обнаруживается. Напротив, Корея на сегодняшний день с исторической точки зрения и на основании международного права выступает как столь же независимое государство, как и любая из великих христианских держав мира. В настоящее время она находится в официальных, отвечающих всем требованиям договорных отношениях с несколькими ведущими христианскими державами. Её дипломатиче-

ские представители пребывают в столицах некоторых наиболее значимых и влиятельных государств христианского мира, в том числе в Соединённых Штатах Америки. Все эти великие правительства, включая и наше, с осуждением относятся к принципу закрепощения одной нацией другой, когда признаётся право одного правительства, страны или народа поработить другое правительство, страну или народ. В то же время мы уважаем доктрину национального самоуправления и самостоятельного контроля, а также независимости в полном смысле этого ключевого термина, поэтому мы договорились с Кореей о том, что в случае если какая-либо страна будет вести себя несправедливо или деспотически в отношении корейского народа, мы будем оказывать возможное содействие к тому, чтобы обеспечить поддержание вечного мира и дружбы.

Мы полагаем <...>, что некоторое время назад императорское правительство Китая через своих чиновников и уполномоченных лиц, а в особенности и прежде всего, через своего представителя в Сеуле, изучало возможность подчинения и полного поглощения Кореи; что образ действий этого государства и его главного представителя в Сеуле за последние два года и особенно в последнее время систематически носил характер самоуправства, если не полного произвола в отношении Кореи и корейских представителей, не исключая и самого короля, и может расцениваться как несправедливый, недобрососедский и деспотический; при этом главным намерением Китая является отстранение от трона короля, ликвидация существующего правительства, с последующим установлением полного и абсолютного диктата на корейском полуострове» [10, л. 204, 204об].

При этом сенатором Митчеллом было сформулировано следующее положение американской внешней политики: «если правительство Соединённых Штатов когда-либо в силу обязательств, моральных или предусмотренных договором с какой-либо иностранной державой, оказывало содействие какому-либо нуждающемуся в помощи народу или правительству, в отношении которого осуществлялась несправедливость, произвол или деспотия, то в настоящее время все эти соображения призывают нас к тому, чтобы взвешенным и адекватным образом оказать содействие правительству и народу Кореи» [10, л. 203].

Таким образом, отношение США по вопросу о независимости Кореи было достаточно определённым: с одной стороны, «Соединённые Штаты считают Корею и Китай различными правительствами, имеющими в Вашингтоне своих отдельных и независимых агентов» [6, л. 73об], а с другой — корейские проблемы не являлись

для США настолько важными, чтобы требовалось какое-либо вмешательство с их стороны.

Достаточно чёткая оценка этого дела была представлена в письме министра иностранных дел Н.К. Гирса К.И. Веберу (1890 г.): «Если <...> Вашингтонский Кабинет в 1887 г. и взглянул иначе на настоящее дело и поручил Посланнику своему в Пекине заявить Министрам Богдохана о том, что Федеральное Правительство признаёт за Кореей право иметь своих собственных дипломатических представителей, то из хода дел явствует, что заявление это осталось без всякого влияния на образ действий Китайского правительства и несколько не ослабило его противодействия. Между тем, не подлежит ни малейшему сомнению, что в деле защиты права Кореи на её собственное представительство Вашингтонский Кабинет никак не пойдет далее дипломатических представлений, к каковым Китай относится с полным равнодушием» [11, лл. 107об, 108].

При этом изменение «корейской» политики Китая также очевидно. Оценка намерений Китая в Корею в рассматриваемый период представлена, в частности, в донесении российского поверенного в делах в Пекине Н.Ф. Ладыженского (1886 г.): «Принятие С.С. Вебером письма, в коем Король просил, <...> спасти его от свержения с престола китайцами, было достаточным поводом для того, чтобы Китай грозно выступил на защиту своих исторических прав и готов был оружием восстановить поколебавшееся своё в Сеуле положение. <...> За последние годы произошла значительная перемена во взглядах Китая на Корею и на задачи, которые он имеет преследовать на полуострове. Недавнее намерение гарантировать неприкосновенность Королевства привлечением иностранных государств к заключению с ним на равных правах договоров сменилось опасением видеть усиление чьего-либо чужого влияния в Сеуле и сознанием того значения, которое Корея, благодаря стратегическому своему положению, призвана иметь в будущих событиях Востока. Неопротестованное европейскими государствами занятие англичанами Порт-Гамильтона доказало китайцам, насколько заключение договоров, даже на равных правах, мало гарантирует неприкосновенность страны. Также рушились и возлагавшиеся на скорое развитие Кореи надежды. Корея оказалась страной бедной и неспособной в ближайшем, по крайней мере, времени к увеличению своих материальных богатств, так как, кроме целого ряда других причин, и общественный строй Королевства, предоставляя народ на беспрепятственное ограбление дворянам и чиновникам, лишает его всякой энергии и стремления к увеличению своего состояния. Ввиду вышеизложенного, Китай признал необходимым прочно обеспечить за собой гос-

подстывающее на полуострове влияние и направил свои действия к этой цели» [17, лл. 23об, 24].

Таким образом, в рассматриваемый период на Дальнем Востоке сложилась ситуация, когда Корея являлась, по сути, даже не объектом, а средством, которым ведущие мировые государства пользовались для решения своих политических стратегических и тактических задач. К числу основных игроков относились, помимо западных держав, Россия и Япония, а также, несомненно, Китай, который также, в силу имеющихся у него ресурсов и возможностей, стремился реализовывать различные многоходовые внешнеполитические мероприятия. Сложно считать действия Китая в дипломатической сфере однозначно успешными, однако и говорить об их абсолютной неэффективности будет, видимо, не совсем верно. В частности, некоторые мероприятия, в том числе и политика в Корею, способствовали в определённой мере сдерживанию чрезмерной активности западных держав в дальневосточном регионе. И в этом контексте вопрос о независимом статусе Кореи, казалось бы, не имевший в действительности принципиальной общеполитической значимости, был использован разными государствами для обеспечения собственных интересов.

Фактическую «точку» (в понятиях международного права) в деле о независимости Кореи поставил заключённый между Китаем и Японией по итогам японо-китайской войны 1894–1895 гг. Симонсекский договор. Первая статья этого договора (см. Приложение) предусматривала признание Цинской империей безусловного суверенитета и независимости Кореи, с прекращением всех «вассальных» обязательств последней в отношении Китая.

Сокращение

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

Источники и литература

1. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 216.
2. АВПРИ, ф. Посольство в Токио, оп. 529, д. 595.
3. АВПРИ, ф. Миссия в Сеуле, оп. 468, д. 364.
4. Хуан Цзунь-сянь 黄遵宪. Чаосянь цэлюэ 朝鲜策略 (Стратегия для Кореи). 1880. URL: <http://baike.baidu.com/朝鲜策略/12005625>
5. Papers relating to the Foreign relations of the United States, transmitted to Congress, with the Annual Message of the President, December 1, 1884 // Office of the Historian (Сайт Государственного департамента США). URL: <http://history.state.gov>
6. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 73.
7. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 491, д. 1.

8. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Transmitted to Congress, With the Annual Message of the President, December 3, 1888, Part I // Office of the Historian (Сайт Государственного департамента США). URL: <http://history.state.gov>

9. АВПРИ, ф. Азиатский департамент — «Пресса», оп. 710/2, д. 55.

10. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 2.

11. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 214.

12. *Harold J. Noble*. The Korean Mission to the United States in 1883 (The First Embassy Sent by Korea to an Occidental Nation) // Translations of the Korean Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. 18 (1929).

13. *Тихонов В.М., Кан Мангиль*. История Кореи. Т. 1. С древнейших времён до 1904 года. М., 2011.

14. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 2018.

15. *Андреева С.Г.* Китайская дипломатия в Корее: по материалам дипломатической переписки российских представителей в Китае и Корее (1880-е — начало 1890-х гг.) // Общество и государство в Китае (Учёные записки Отдела Китая). Т. XLVIII. Ч. 2. М., 2018.

16. *Цай Дунцзе* 蔡東杰. Ли Хунчжан юй Цинцзи Чжунго вайцзяо 李鴻章與清季中國外交 (Ли Хунчжан и китайская дипломатия конца эпохи Цин). Тайбэй, 2001.

17. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115.

Приложение: Симоносекский договор 1895 г.

(китайский текст)	(японский текст)	(перевод) ²⁴
第一條: 中國確認朝鮮國為 獨立自主國家 , 朝 鮮對中國的朝貢、 奉獻、典禮永遠廢 止。	第一条 清国は朝鮮国が完 全無欠の 独立自主 の国 であることを 確認する。よって その独立自主を侵 害するような朝鮮 国から清国への貢 納や臣下の儀礼な どは、将来全く廢 止すること。	Статья 1. Китай признаёт окончательно полную и безусловную неза- висимость и автономию Кореи , и, вследствие сего, уплата дани Китаю Кореей и исполнение ею церемоний и обрядов, нарушающих тако- вую независимость и автоно- мию, совершенно прекраща- ются на будущее время.

²⁴ Цит. по: *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927.

*S.G. Andreeva**

**Korean Policy of China in 1880s — Beginning of 1890s
(Based on Russian and American Archives)**

ABSTRACT: This article is based on Russian and American diplomatic materials and presents the analysis of the general line and certain transformation in the Chinese policy in regard to Korea. Special attention is paid to the matter of Korean independency as a significant aspect both of the “Korean policy” of China, and of the development of international relations in the Far Eastern region as a whole.

KEYWORDS: diplomacy, international relations, China, Korea, Li Hong-zhang, independency.

* Andreeva Svetlana Gennadyevna, PhD (History), China Department, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia. E-mail: surfgrid-to@list.ru